

множеством милости Твоя вниду в дом Твой, поклонюся храму святому Твоему во страхе Твоем”; на паперти надписи гласили с левой стороны: “Путь заповедей Твоих текох, егда расширил еси сердце мое”; с правой: “Законоположи мне, Господи, путь оправданий Твоих и взыщи их вину”⁹. Внутри храма появилась живопись с надписями по-латыни. В таком виде церковь Архангела Гавриила вновь была освящена в 1773 году.

Встает законный вопрос: почему именно Меншикова башня была выбрана в качестве главного масонского храма. Ответ очевиден. Из всех московских церквей только Меншикова башня была принципиально связана с новой эпохой. Она явилась своеобразным каменным воплощением петровского времени. В кругах «вольных каменщиков» царил подлинный культ царя-преобразователя. По преданию именно Петр I, вернувшись на родину из «Великого посольства», создал в России первую масонскую ложу «Нептун». Ее заседания проходили в рапирной зале Сухаревой башни. Сам царь исполнял обязанности второго стража. Сподвижники Петра I занимали в ложе главные должности: досточтимым мастером (номинальным главой) был Ф. Лефорт, первым стражем — П. Гордон, оратором — Феофан Прокорович. Масоны считали себя прямыми наследниками неукротимого российского монарха. Они мечтали духовно переустроить Россию — точно так же, как Петр I перестроил ее политически и экономически.

Но была еще одна причина. Как произведение архитектуры Меншикова башня опередила свое время. Фактически она открыла эпоху неоготики в русской архитектуре. Очевидно, что этот художественный стиль генетически был связан с «нарышкинским барокко». Но одновременно он явился выражением масонских идей в архитектуре. Для архитектора — «вольного каменщика» — построение символического Храма истины и любви становится творческим «личным делом», и оно должно быть художественно без-

упречным. Основоположник неоготики В.И. Баженов в «Слове на заложение Кремлевского дворца» сказал: «Когда готы овладели Италией, они, привыкнув к великолепию зданий римских и не проникнув того, в чем точно красота здания состоит, ударились только в сияющие архитектуры виды и, без всякого правила и вкуса умножая украшения, ввели новый род созидания, который по времени получил от искусных, хотя и не следующих правилам, огромность и приятство. Такого рода наша Спасская башня, но колико она не прекрасна, однако не прельстит толико зрения, как башня Гавриила Архангела. Колоколья Ивановская достойна зрения, но колоколья Девичья монастыря более обольстит очи человека, вкус имущего. Церковь Климента покрыта золотом, но церковь Успения на Покровке больше обольстит имущего вкус, одна — смесь прямой архитектуры с готической, а другая созидана по прямому благоволению строителя»¹⁰. Зодчий отдает предпочтение памятникам древнерусской архитектуры, из которого органически выросла неоготика. Они видятся ему созданиями чистого строительного искусства, где нет места чужеродным элементам, к которым он относит римские реликты.

Ныне такая точка зрения может показаться парадоксальной, ибо и «нарышкинское барокко» и неоготика представляются отступлением от основной линии русской архитектуры, восходящей к византийскому наследию. Но все встает на свои места, стоит только принять во внимание, что допетровская архитектура являлась, с одной стороны, выражением доктрины «третьего Рима», с другой — свидетельством национальной замкнутости. И то и другое постепенно изживало себя. Известный литературовед Ю.М. Лотман пишет о господствующей идеологии начала XVIII века: «Идеальная Россия мыслилась как не соотнесенная с предшествующей, в предшествующей же России выделялись не присущие ей черты, а то,

⁹ Писемский А.Ф. Масоны // Собр. соч. Т. 8. М., 1959. С. 155.

¹⁰ Баженов В.И. Слово на заложение Кремлевского дворца // Мастера искусства об искусстве. М., 1969. Т. 6. С. 78.